

СУРОВОЕ, ИСПЫТАНИЕ

И. Исаков, 1943, 9 июля

ХОРОШО, когда театр берется за постановку интересной и умной пьесы, высокого художественного качества. Именно так поступил Московский драматический театр им. К. С. Станиславского, поставив драму Артура Миллера «Сейлемские ведьмы» в переводе Ф. Крымко и Н. Шахбазова.

Артур Миллер обратился к одной из черных страниц американской истории: к «охоте за ведьмами», разыгравшейся в местечке Сейлем в конце 17-го века. Но, возрождая в сценических образах мрачный эпизод далекого прошлого, драматург имел в виду современность. Поэтому его драма воспринимается зрителем как произведение остро злободневное в лучшем смысле этого слова.

Суровой и мрачной была жизнь первых поселенцев на американском континенте, Суровой и мрачной была и религия этих людей, сковавшая их чуть ли не военной дисциплиной.

В этой затхлой атмосфере расцвело доноительство, принявшее повальный характер. Доносчики преуспевали. Ничего не стоило завистнику свести счеты с удачливым соседом, стяжательно разрешить затянувшуюся земельную тяжбу, сочинив обвинение в колдовстве. От доносчика не требовалось доказательств, зато тому, на кого был возведен поклеп, почти невозможно было оправдаться.

Для слабых духом оставался выход: признать себя виновным в какой-нибудь нелепости и в свою очередь оклеветать других, ни в чем не повинных людей,

спасая собственную жизнь. Сильные встречали смерть, не дрогнув.

«Парадоксально, что сегодня мы оказались в тех же тисках», — говорит в авторской ремарке Артур Миллер. И перед зрителем встают героические тени Этель и Юлиуса Розенбергов и других жертв отвратительной маккартистской эпохи.

Режиссер А. Аронов верно прочитал острую драму А. Миллера. Центральная роль фермера Джона Проктора, человека из народа, жизнелюбца, предпочитающего смерть бесчестию, прекрасно удалась артисту Е. Урбанскому. Живые, остающиеся в памяти образы создали и остальные участники спектакля. Сочно, без нажима воплощены на сцене представители правящей клики: это фанатики, верящие в свою правоту, и потому их изуверство выглядит особенно зловещим.

Напрашивается все же одно замечание общего порядка. По-моему, такие пьесы, как «Сейлемские ведьмы», в которых тема вырастает над сюжетом и звучит сильнее его, следует ставить без излишних бытовых деталей, углубляя идею произведения.

И все же спектакль удался и захватывает публику. Никто в зрительном зале не остается равнодушным, когда в финале раздается «голос сквозь века» — голос авторской совести. Комментируя случившееся, он горько подчеркивает, что «до сознания людей не дошло, что и они были ответственны за случившееся»...

Б. ИЗАКОВ.